

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

ГБУК РО «РОСТОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
СПЕЦИАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ДЛЯ СЛЕПЫХ

К Р У Г И

Ж И З Н И

К 135-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПОЭТЕССЫ СОФЬИ ПАРНОК

К 125-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПИСАТЕЛЯ ИВАНА ВАСИЛЕНКО

К 120-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПИСАТЕЛЯ НИКОЛАЯ ПОГОДИНА

18 +

РОСТОВ – НА – ДОНУ

2020

ИЗДАНИЕ ДЛЯ СЛАБОВИДЯЩИХ

**АВТОР ТЕКСТА И СОСТАВИТЕЛЬ
Е. И. СОКОЛОВА**

**ФОТОГРАФИИ
ИЗ СВОБОДНОГО ДОСТУПА СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»**

**БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ:
Н. А. ТОПОРКОВА**

**ОТВЕТСТВЕННАЯ ЗА ВЫПУСК
И. А. ГРИЩУК**

ТИРАЖ: 5 ЭКЗЕМПЛЯРОВ

**ОТПЕЧАТАНО
В ГБУК РО «РОСТОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
СПЕЦИАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ДЛЯ СЛЕПЫХ»**

**АДРЕС:
344002, Г. РОСТОВ-НА-ДОНУ,
УЛ. ТЕМЕРНИЦКАЯ, № 50**

ТЕЛЕФОН: 240-79-56

СОДЕРЖАНИЕ:

Упрямая игра.....	5
Неисправимый провинциал.....	13
Придёт время – напишем.....	29
Причуды мыслей вероломных.....	44

Встречающиеся в тексте понятия и термины
поясняются в словаре в конце книги.

*Вот что оставила на память
Мне жизнь, – упрямая игра,
Но я смогу переупрямить
Её, проклятую! ...Пора!*

Софья Парнок

УПРЯМАЯ ИГРА

Судьбы творческих людей всегда вызывает живой интерес у публики. Ведь не может быть, чтобы жизнь такого человека была скучной!

В их биографиях обязательно же должно происходить что-то интересное, счастливое.

Сегодня рассказ о двух таганрожцах – Парнок и Василенко. И об одном ростовчанине – Погодин.

Биографии их были далеко не скучными. Но и веселья счастливому особенно не наблюдалось.

***

Иван Дмитриевич Василенко. Мы редко сейчас вспоминаем это имя. Поколение, выросшее в постперестроечные времена, вообще, не знает кто это такой.

А ведь его произведения входят в «Библиотеку детской мировой литературы»!

И существует журналистская премия его имени.

Ивана Василенко справедливо считают одним из лучших детских писателей. Константин Георгиевич Паустовский отмечал:

- Вещи производят великолепное впечатление, их можно поставить в один ряд с лучшими произведениями этого же жанра, вошедшими в нашу литературу.

В повестях автор обнаруживает острый писательский глаз, в них блестяще передан южный колорит.

Они отличаются прекрасным литературным языком, прозрачностью, ощущением простора».

Много замечательных рассказов и повестей написал Иван Дмитриевич.

Издавались они в нашей стране более ста шестидесяти раз, переведены на многие иностранные языки.

Сочинять начал довольно поздно – в сорок лет. На пороге стояла инвалидность – застарелый туберкулёз.

И он так, литературным трудом, с хворобой сражался.

Награждён орденом «Знак Почёта» и медалями.

Леонид Шемшелевич назвал этого ростовчанина *«человеком чеховского характера, чутким, добрым, скромным до застенчивости».*

***

А молодость будущего писателя пришлась на бурное революционное лихолетье.

Сейчас нам трудно судить, кто прав был тогда, кто виноват.

Но вот репрессированный таганрогский историк Павел Петрович Филевский утверждал, что без доноса Ивана Василенко не обошлось.

Возможно, лишь подобными методами и сохранялась Советская власть.

А возможно, просто не соответствует многое действительности.

Фильм по василенковской повести «Артёмка» назывался «Волшебный круг». В смысле – арена цирка.

Но и жизнь самого писателя – круг.

Когда болезнь отбрасывает тебя назад. И ты начинаешь пробовать всё сначала – как по кругу.

Такие же круги жизни – и у Николая Погодина, и у Софьи Парнок.

Упрямая жизнь игра. Они так старались переупрямить!

Не всегда получалось.

***

Сегодня и сам Погодин, и его творчество оцениваются неоднозначно.

Однако даже самые ярые противники не могут отрицать, что без культовой трилогии о Ленине невозможно представить историю отечественного театра и кинематографа XX века.

Образ вождя мирового пролетариата – *«самого человеческого человека»* – созданный Максимом Штраухом и Борисом Щукиным, сразу назван киноклассикой.

Исполнение Штрауха – даже Надежда Крупская признавала особенно достоверным.

Десять лет возглавлял Николай Фёдорович Погодин журнал «Театр».

Написал книги «Театр и жизнь» и «Искать, мыслить, открывать».

Стал заслуженным деятелем искусств РСФСР. Удостоен двух Сталинских и Ленинской премий.

Два ордена Ленина, медали.

Критики отмечали всегда, что у Погодина – нет ни капли вымысла и преувеличения.

Брал всё из реальных ситуаций и настоящей жизни людей того непростого времени.

И критиковали: за газетный – в ранних произведениях – язык.

Но со временем из очеркиста стал он настоящим мастером. Реальность не искажал, нет!

Так же ничего не придумывал, но описываемые действия получались много интереснее.

И об юморе не забывал.

На него вешали ярлык конъюнктурщика.

Запрещали полностью готовые его пьесы. Уже после генеральной репетиции снимали с репертуара.

Одна – так даже и Сталину не понравилась. Значит, и до «врага народа» недалеко.

Жил, следовательно, в постоянном страхе.

А театральная элита – Московский художественный театр – вообще, поглядывала свысока: это не пьесы. Так, самодеятельность доморощенная.

Но драматург искренне верил, что образ вождя может быть только идеальным!

И шёл Николай Фёдорович тоже всё по тому же кругу: начинал сначала.

Побывав в Америке, забрал уже сам из театра свою пьесу «Альберт Эйнштейн». Пришёл к выводу, что не всё понял правильно о Западе.

Очень они разные.

Николай Погодин и Иван Василенко – из низов, хлебнули по полной.

Изо всех сил самообразовывались.

Горячо оба приняли Советскую власть, и при власти этой прославились и перестали, наконец, считать копейки.

Вероятно, были друг с другом знакомы, разница в возрасте – пять лет всего.

А вот с Софьей Парнок – вряд ли. Старше она, да и круг жизни её – абсолютно иной.

***

Софья – из обеспеченной благообразной еврейской семьи.

Образование оплачивал папенька, могла и по заграницам поехать. Счастья только вот в семье не было.

А с новой властью стало очень тяжело. Музыкальными пальцами пришлось огород полоть.

И в камере посидела – недолго, правда.

Но продолжала и после революции свою литературно-критическую деятельность.

Это она первой охарактеризовала «большую четвёрку» постсимволистской поэзии – Леонид Пастернак, Анна Ахматова, Марина Цветаева, Осип Мандельштам.

Сама же не примыкала ни к одной литературных группировок.

И критиковала – как новомодные течения в литературе, так традиционные.

Как поэтесса – прекрасно владела словом:

*Не бить
челом
        веку своему,
Но быть
челом века
        своего!*

Часто писала «сапфической» строфой:

*Цвет вдохновения! Розы Пиерии!
Сафо, сестра моя! Духов роднит
Через столетия – единоверие.*

Биограф Софья Викторовна Полякова отзывалась так:

- Не в пример благополучным поэтам она, как дerviш, не была отягощена никакой собственностью, не имела даже любимых своих поэтов, Тютчева и Баратынского.

Не оставила после себя архива, к стихам своим относилась с небрежностью и часто ошибалась в датах их создания.

Не сохранилось ни дневников (Парнок их, впрочем, едва ли вела), ни записных книжек, ни адресованных ей писем.

Даже свои стихи Парнок не хранила, в чужих руках их обнаружилось больше, чем в её тетрадях, потому что написанное охотно тут же дарилось желающему.

Обычно, вспоминая Софью Яковлевну, констатировали: прекрасная эрудиция и своеобразные взгляды; дорогая сигара и дорогие брючные костюмы; светскость и эпатаж.

Хотя в список красавиц не попадала.

- Среднего, скорее даже небольшого роста; с белокурыми волосами, зачёсанными на косой пробор и на затылке связанными простым узлом; с бледным лицом, которое, казалось, никогда не было молодо, София Яковлевна не была хороша собой, - написал Владислав Ходасевич.

Как критику – ей часто приходилось посещать театральные премьеры и различные вечера.

Московские поэтессы собирались тогда в модном литературном салоне Аделаиды Герцык.

Там осенью 1913 года и повстречались Парнок и Цветаева.

Марина была на семь лет младше.

Они расстанутся, и каждой предстоит переупрямить свой собственный жизненный круг.

Марине – как известно – придётся много, много горше...

И доведётся ещё раз столкнуться с этой фамилией.

Холодной осенью 41-го эвакуационный писательский пароход плывет вниз по Волге, запечатывая в своих каютах и трюмах то, что осталось от прежних литературных игр и склок.

Остановка в Чистополе – большая выгрузка.

Два литературных изгоя – Валентин Парнах и Марина Цветаева – одновременно пытаются устроиться за скудное пропитание в литфондовскую столовку: один – стоять в дверях, другая – мыть посуду.

Его – возьмут.

Ей – от ворот поворот, отправят в Елабугу, где жизнь так страшно окончится.

Но наш сегодняшний рассказ – о другом.

***

*

НЕИСПРАВИМЫЙ ПРОВИНЦИАЛ

- При одной мысли, что мы переезжаем в город, у меня в груди сладко щекотало.

Как он выглядит, город, я не знал и представлял его в своём воображении, как мог.

Против волостного правления, где мы раньше жили, протянулась коновязь – длинное бревно на вбитых в землю кольях.

Однажды я сел на неё, обхватил ногами бревно, а головой опрокинулся вниз.

И мир в моих глазах стал другим: деревья, избы, колокольня с золочёным крестом – всё показалось праздничным, всё купалось в голубом небе.

И я от радости закричал: «Ой-ой-ой! Как в городе!»

Это – фрагмент из книги Ивана Василенко «Жизнь и приключения Заморыша».

Радуется мальчик Митя, но яркая радость эта детская – самого автора. И дальше – уже автобиография:

- Отец – волостной писарь. Когда мне исполнилось восемь лет, вся семья переселилась в Таганрог.

Здесь отец в течение нескольких лет заведовал чайной-читальней так называемого общества трезвости.

Посетители её были почти сплошь алкоголики, так что детство своё я провёл среди босяков.

В шахматы меня выучил играть босяк – бывший граф.

***

Родился Ваня 20 января 1895 года. Украинское село Макеевка – ныне город. А в Таганроге жили у Старого базара. В семье – две дочки и сын.

Мама Евдокия Акимовна была очень доброй, но Дмитрий Степанович держал детей в строгости – все работали с малолетства.

Ваня обслуживал вечно пьяных клиентов «общества трезвости», таскал тяжеленный чайник с кипятком – из *«кухмистерской в залу»*.

Свободных минуток почти не было.

И как-то один из посетителей (*«человек из интеллигентов, ушедший в революцию»*) подарил маленькому кипяtilьщику книжку Чехова «Каштанка».

Повествование знаменитого земляка, в общем-то, не особенно весёлое, вышло очень значимым.

Безрадостный мир кабака с редкими графскими шахматными партиями – это вовсе не вся жизнь!

Ведь где-то существует ЦИРК! И значит, надо из кабака выбираться.

А вскоре судьба сведёт его с юной акробаткой. Это она появится в «Артёмке» под именем Ляси. И Дэзи из «Заморыша» – тоже она.

И Ляся, и Дэзи – для Артёмки и Мити – в ореоле красоты и в лучах славы.

И Антон Павлович Чехов с той поры – любимый писатель.

4-классное городское училище Ваня окончил с похвальным листом и отличным аттестатом.

Устроился писцом в суд.

Но канцелярская рутинa быстро надоела, и 17-летний писарь самостоятельно проходит курс подготовки при Таганрогской классической мужской гимназии и получает право преподавания в начальных училищах.

В том году в одном хуторе открыли школу:

- По окончании училища держал экзамен на звание учителя начальных классов.

Некоторое время учительствовал в деревне. Этой деревней и была моя родная Новобессергеновка.

Иван Дмитриевич был не просто учитель, а первый в этих краях учитель! О чём свидетельствует памятная доска:

«Первый учитель Новобессергеновской школы

Василенко Иван Дмитриевич

20.01.1895 – 26.05.1966

Педагог, детский писатель».

Сегодня школа носит имя детского писателя.

Знаний гимназического курса Ивану, конечно, было мало.

Но школа выписывала «Ниву» с приложениями.

И долгими зимними вечерами, при керосиновой лампе, знакомился молодой преподаватель с мировой классикой.

Особенно рассказы Викентия Вересаева нравились.

В 1914 году поступает он в Белгородский учительский институт.

Но – времена подходят революционные, успешного студента выгоняют за участие в марксистском кружке.

Приходится вернуться в Таганрог, работать счетоводом в земельном банке.

И терпеть недовольство отца.

Но выбор уже сделан. Василенко – большевик.

В годы революции и Гражданской – на комбайновом заводе и Русско-Балтийском.

С победой Советской власти был профсоюзным и партийным лидером, руководил отделами торговли, труда и народного образования в Таганроге и Донбассе.

И получил, наконец, возможность заниматься любимым делом – преподавать в Авиационном техникуме и филиале Московского авиа-института.

Краевед Олег Павлович Гаврюшкин в своей книге «Мари Вальяно и другие» приводит такой эпизод:

- С сотрудником Наробраза, где они вместе работали, во время обеденного перерыва зашли отобедать во всем известную столовую на Ленинской улице в доме Гладкова.

Кутуков, его собеседник, обратил внимание на фуражку Ивана Дмитриевича, примерил на себе, которая оказалась мала и с небольшой долей юмора заметил:

- Как с такой маленькой головой ты можешь руководить такой большой организацией?

Вспыхнувший от обиды Василенко чрезвычайно болезненно отреагировал на сказанное и, неожиданно выхватив револьвер, закричал:

- Застрелю гада!

Кутуков побледнел, но собравшись заявил:

- Стреляй!

В зале поднялся переполох, двое посетителей столовой оказались под столом.

Увидев это, Василенко засмеялся и уже миролюбиво предложил:

- Ладно, давай выпьем!

Но, опять же, не нам – век спустя – рассуждать о правомерности действий.

Да и фортуна повернулась потом тёмной стороной: открылся туберкулёз, тяжёлая форма. Возможно, сказались последствия сквозняков чайной-читальни.

И в тридцать девять лет стал преподаватель писателем.

О чём и не помышлял.

***

Даже сегодня, в третьем тысячелетии, болезнь эту далеко не всегда вылечивают.

От туберкулёза умер когда-то и Чехов – сам врач.

И Ивану Дмитриевичу никаких гарантий медицина не дала. Только постельный режим, даже на море нельзя. Западня.

Литературное творчество стало выходом.

В Литературном институте будущий детский писатель не обучался, его «университетами» стала сама жизнь.

Что делать лежащему больному? Вспоминать!

Вот воспоминания Ивана Василенко о трудном своём детстве и подарили нам чудесную повесть «Волшебная шкатулка».

Весёлый сын сапожника Артёмка Загоруйко сразу пришёлся юным читателям по душе, и писателю отовсюду стали приходить письма с просьбами, а то и с категорическими требованиями поведать, что будет дальше.

Иван Дмитриевич с улыбкой рассказывал милую историю. В эвакуации был он в Тбилиси.

И узнал, как маленький тбилисец, дочитав книжку таганрогского автора, возмутился:

- Если бы встретил этого писателя, побил бы его, да! Зачем не закончил Артёмку, понимаешь!

То ли угроза такая подействовала, то ли сам писатель не хотел расставаться с неунывающим Артёмкой, юной гимнасткой Лясей и добродушным негром Пепсом, но вскоре появились «Артёмка в цирке», «Артёмка у гимназистов», «Заколдованный спектакль» и «Золотые туфельки».

А «Волшебная шкатулка» оказалась и впрямь волшебной – для самого создателя.

Оконченную рукопись сестра Екатерина отослала в Детское издательство ЦК комсомола. Ответа ждали полгода.

- Значит всё настолько беспомощно и бездарно, - думал Иван Дмитриевич, - что не считают нужным даже ответить.

- Знаете, в тот день, - рассказывал он много позже, - врачи сказали маме и сестре, что я едва ли доживу до утра.

А вечером пришла телеграмма о том, что повесть напечатают!

И отступила болезнь, и родился писатель Василенко:
- Слёг учителем – встал писателем.

В 1937 году «Шкатулку» опубликовал журнал «Пионер», а в 41-м вышло и отдельное издание.

Там же, в эвакуации, встретился Василенко с Вересаевым. Викентию Викентьевичу уже исполнилось семьдесят пять лет.

Он был нездоров и не особенно расположен к посещениям.

Василенко понял, что появился не вовремя, но оставил экземпляр «Шкатулки» и единственное, что спросил – стоит ли ему продолжать писать или же всё забросить?

- Если сможете не писать, не пишите. И зайдите ко мне недели через две, - ответил мастер.

Гость попрощался, решил, что приходить больше незачем.

А хозяин, оказывается, в тот же вечер повесть прочёл – с большим удовольствием:

- Первые же страницы захватили меня, и я не мог оторваться от книги в пять печатных листов, пока всю не прочёл.

Передо мной был талантливый, совершенно сложившийся писатель, со своим языком, с великолепной выдумкой, с живыми образами!

И мэтр начал искать начинающего автора. Встретил в редакции газеты «Заря Востока». Так они подружались.

***

В Грузию Иван Дмитриевич попал после Нальчика. Из Таганрога выехал 17 октября 1941 года, последним поездом, лишь когда советские войска оставили город.

Из-за туберкулёза на фронт его, конечно, не брали. Но в первые месяцы войны ушёл на фронт единственный сын писателя Фёдор – курсант Качинского авиационного училища.

Отношения с женой у Василенко-старшего не сложились, и Федю воспитывал он один.

Василенко-младший увлекался авиамоделизмом, занимался спортом, хорошо рисовал.

В октябре 41-го в воздушном бою лейтенант Фёдор Василенко сбил два вражеских самолёта. Один из них – тараном.

Лейтенанту было двадцать лет.

Гибель сына подкосила. Но – на войне как на войне, не до расслаблений.

Иван Дмитриевич пишет рассказы «Живая вода», «Приказ командира», «План жизни», «Повесть о зелёном сундучке».

Читает свои произведения в госпиталях и воинских частях.

Работает в областной газете Нальчика и в газете Действующей армии Закавказского фронта «Боец РККА».

И часто выезжает на передовую. Только ходит по окопам с зонтиком.

С большим чёрным зонтом – туберкулёз не любит солнца и перегрева.

Военный совет фронта награждает писателя Почётной грамотой.

Но в 42-м и над Нальчиком закружили «мессеры».

30 августа 1943 года Таганрог освободили, и Василенко вернулся домой – надо было помогать восстанавливать город.

В следующем году его примут в Союз писателей СССР.

А ещё через год Иван Василенко напишет большой очерк «Суворовцы», первую книгу о только что открытых военных учебных заведениях для мальчишек.

Для мальчишек, оставшихся без родителей.

Самое известное произведение на эту тему – роман «Алые погоны» ростовского же писателя Бориса Изюмского – появится чуть позже, в 1948 году.

О творчестве Бориса Васильевича Изюмского рассказано в другом сборнике Библиотеки – «Листая старую тетрадь».

Стал Василенко первооткрывателем и ещё одной темы в послевоенной детской литературе.

Взрослое мужское население – на фронте. У станков – пацаны из ремесленных училищ.

Вот о них и решил написать Иван Дмитриевич. О своей трудовой юности – комбайновом заводе.

Так появилась повесть «Звёздочка».

Звёздочкой называется деталь для мирной машины.

В маленьком, скромном на вид, зубчатом колёсике таится сила, позволяющая ожить огромному комбайну.

С помощью этой детальки проверяются на прочность и взаимоотношения персонажей.

Сегодняшним читателям, вероятно, сложно понять, что же в повести такого особенного.

Но она и не для сегодняшнего читателя. Для тогдашнего!

В трудовом воспитании послевоенного поколения «Звёздочка» свою роль сыграла идеально!

Потому и удостоена Сталинской премии.

Повесть экранизировали, режиссёр Николай Иванович Лебедев.

Эта лента – дебют актрисы Надежды Васильевны Румянцевой.

Переносили на экран и «Артёмку», и неоднократно – тот же Лебедев. И ещё Андрей Николаевич Апсолон и Валентин Фёдорович Козачков.

***

В конце 50-х писатель приступил к новой большой работе.

Задумал цикл повестей о Мите Мимоходенко – «Жизнь и приключения Заморыша».

И пошла работа довольно быстро.

В 1963 году все части – «Общество трезвости», «Весна», «Подлинное скверно», «В неосвящённой школе», «Волшебные очки» – были окончены.

Материал – впечатления детства и юности. Однако, *«я не стремился к тому, чтобы точно следовать фактам своей биографии».*

Это повествование о том бурном и удивительном времени первых десятилетий прошлого века, о событиях, увиденных глазами юных героев.

И самый придирчивый читатель найдёт на этих страницах что-то своё: здесь и приключения, и драки, и переодевания, и поиски клада, и похищения...

И куча всяких тайн.

И снова описание той самой – из далёкого детства – «чайной-читальни общества трезвости»:

- Каждый день происходило что-нибудь новое: то ввалится пьяный, буянит, ругается, и мы с братом Витей бежим в полицейский участок за городовым.

То придёт фокусник и начнёт глотать огонь и разбитое стекло.

То появится новый босяк, такой занятный, что всё бы слушал и слушал, как он рассказывает о своих скитаниях.

В первой «заморышевской» книжке – маленький эпизод с конфетами.

Митя поссорился – случайно – с очень нравившейся ему девочкой Дэзи.

И она – отдала тогда Витьке шоколадку, шоколадку с серебряным фантиком!

Митька такого сроду не видал...

Видимо, тоже какое-то забытое очень печальное воспоминание.

Давно взрослый Иван Василенко – очень-очень любил шоколадные конфеты! И всегда всех угощал.

И просил едущих в столичные командировки знакомых:

- Кто собирает марки, кто папиросные коробки, а я – конфеты. Правда, я их отвожу туберкулёзным ребятам.

Поэтому прошу ещё раз поискать в Ленинградских магазинах самых интересных (и обязательно высоко-сортных) конфет в оригинальных обёртках или в красивой коробочке.

У ребят конфетные бумажки хранятся вечно. Если конфеты будут без бумажек, но в красивых коробочках, тоже хорошо.

С ромом и ликером этим детям не противопоказаны, даже рекомендованы.

Если будут шоколадные медали (золотые и серебряные), дети возликуют.

Собирают ребята и обёртки от чешских конфет.

Рассказывали, что где бы писатель ни появлялся – легко заводил беседу. Был очень остроумным.

- И умел как-то непринуждённо, даже изящно достать из кармана горсть очень хороших конфет и угостить ими присутствующих женщин и детей.

Быть может, щедрость Василенко и его желание всех угощать конфетами и проистекает из какого-то потаённого детского протеста и желания, чтобы никто в этой жизни никогда не был обделён.

Ни теплом и вниманием, ни любовью и заботой.

Или, в конце концов, удивительно вкусной конфетой в красивой, радующей глаз обёртке.

А ещё был Иван Дмитриевич человеком внимательным, подмечал различные уличные сценки, а потом рассказывал своим друзьям – как анекдоты.

- Попала одна лошадь в ветеринарную больницу. Доктор её помазал, где следовало, посыпал пенициллином, она и выздоровела...

И можете себе представить: как увидит теперь где-нибудь доктора на улице, так и поклонится ему!

А один раз даже на задние ноги присела, вроде как реверанс сделала.

- На бензозаправке собака, оставленная хозяином в кабине машины, нудилась, повизгивала и, потеряв терпение, дала сигнал.

- С детьми.

- Девочка, сколько тебе лет?

- Два месяца и три года.

- В трамвае.

- Разложили тут мешки, корзины, авоськи. Ну, ни лечь, ни сесть!

- Подумаешь, шляпу надел, так он сидеть хочет... Нанимай такси и сиди там, сколько хочешь!

- Або катафалку. Там и лечь можно...

- На вокзале у отъезжающего поезда.

Он: - Ты же смотри, ни с кем там не целуйся, слышишь?

Она: - Постараюсь...

И чаще всего маленькие сценки эти наблюдал писатель в Таганроге:

- Я – неисправимый провинциал. Я влюблён в свой Таганрог, в его неповторимый говор, в его море, в его сполохи над мартенами.

Читая меня, вы сразу увидите, откуда я родом...

Писатель прекрасно знал историю, знал биографии именитых уроженцев.

А в произведениях – все достопримечательности: театр; солнечные часы; дом, где останавливались Пушкин и Александр I; каменная лестница.

И, конечно же, Азовское море!

- Наше море огромное, застенчивое. Посмотрите, какой у него блёкло-голубой цвет.

А эти глинястые берега!

Они не жёлтые, не красные, а какого-то переходного оттенка, так гармонизирующего цвету воды.

Конечно, такую красоту не сразу увидишь, в неё надо всмотреться, душой воспринять...

Иван Дмитриевич выступал в защиту памятников и парков, занимался восстановлением школы имени Чехова.

Как и Антон Павлович, дарил городу книги, помогал библиотекам.

И очень гордился, что его дом находится на улице, носящей имя любимого писателя в любимом городе, говорил, что «живу на самой лучшей улице в мире!»

Ныне на самой лучшей в мире улице открыт музей Василенко. На столе – вазочка с конфетами.

А у входа встречает посетителей литой Артёмка.

Скульптура несчастливой судьбы – не раз уже «Артёмку» сбивали, ломали, воровали.

Злоумышленников не находят, создают новую фигуру.

Почему не установлены у музея видеокамеры – совершенно непонятно!

***

Иван Дмитриевич очень хотел написать о родном городе большой художественно-исторический очерк:

- Да что там очерк!

Тут каждый переулок – это интересная повесть, а наш замечательный город – это целый роман, да ещё какой!

Какие события тут происходили, какие люди тут жили!

Этот замысел так замыслом и остался. Болезнь не отступала.

Работал в постели, с настезь открытой фрамугой – и зимой тоже. Только морозный воздух и спасал.

Весной 1966 года был писатель в Москве.

Наступило ухудшение, и 26 мая его жизнь оборвалась.

***

Иван Дмитриевич Василенко верил в чудеса.

Ведь не зря первое его произведение называется «Волшебный круг», а последнее – «Волшебные очки».

***

*

ПРИДЁТ ВРЕМЯ – НАПИШЕМ!

В 1883 году в Ростове появилось первое каменное здание театра. Построил владелец табачной фабрики Владимир Иванович Асмолов.

После революции театр получил имя Анатолия Луначарского и оставался самым значительным в регионе.

Но недолго. Всё чаще стали раздаваться негативные отзывы.

На страницах газеты «Трудовой Дон» с резкой критикой репертуара выступил молодой корреспондент Николай Погодин:

- Кому нужны все эти ваши игровые шалости на сцене?

Режиссёр Синельников искренне возмущался:

- А где взять новые хорошие пьесы?

Например, вы, товарищ Погодин, опытный журналист и хороший наблюдатель, хорошо знаете, что нужно народу.

Вот возьмите и напишите пьесу!

Журналист ответил:

- Придёт время – напишем.

Театр, правда, вскоре сгорел. И со временем труппа получит совершенно новое здание, роскошное.

Театр имени Максима Горького.

О жизни Николая Николаевича Синельникова и об истории донской сцены рассказано в других сборниках Библиотеки – «Творческая мастерская», «Об искусстве» и «Художник и театр».

А мы сегодня вспомним биографию напористого критика.

***

Появился на свет он 16 ноября 1900 года в станице Гундоровская (ныне город Донецк Ростовской области). В крестьянской семье.

И звался тогда Коля Стукалов.

Отец рано умер. Семья перебралась в Ростов, точнее – в Нахичевань.

Матери, чтобы прокормить двух дочек и сына, пришлось заниматься подёнщиной.

И трудовой стаж потому у Николая – с четырнадцати лет.

Был на побегушках в магазинах, продавал газеты, выбирал камень из угля на складах, слесарил в мастерской, служил в канторе.

Но если выдавалась свободная минутка – читал. Много читал.

И пытался писать сам – как говорил впоследствии, *«инстинктивно тянулся к писательству»*.

В стране революция, Коля – в Красной армии, добровольцем.

Участнику боёв за Советскую власть смелости было не занимать – 20-летний Николай Стукалов переступает порог редакции.

Его запомнили как *«вихрастого, в синей сатиновой косоворотке»*.

Коля принёс в газету «Трудовой Дон» (ныне – «Молот») маленькую заметку – приняли.

А подписался – «Ник. Погодин», так и опубликовали. Так и появился журналист и драматург Николай Погодин.

Донской писатель Павел Хрисанфович Максимов рассказывал, что ему довелось знать Стукалова ещё подростком, когда он *«много занимался самообразованием и сочинял невероятно длинные стихотворения, одно из которых даже было опубликовано»*.

А постарше – пробовал Николай писать и невероятно длинную прозу.

Например, в 1923 году в газете «Молодёжь Дона» появилась повесть с крайне интригующим названием «Таинственное вознесение трёх комсомольцев на Марс».

И печаталась с продолжением, во многих номерах! Значит, была молодёжи Дона интересна.

В редакцию Коля зачастил, с удовольствием выполнял мелкие поручения. И старательного парня заметили!

Всё чаще появлялись его материалы. И не только в «Трудовом Доне».

Подпись «Ник. Погодин» встречалась на страницах «Пути рабкора», «Советского Юга», «Трудовой жизни», «Донской бедноты».

И довольно быстро стал он специальным корреспондентом:

- Я поступил на работу в ростовские газеты: было очень холодно и голодно! Ели первые в мире бутерброды со шрапнелью (перловая каша – ред.).

Звонок в редакцию: «Немедленно спецкора». Бегу. Дисциплина. Мне выдают в Донпродкоме карабин: «Стрелять умеешь?» - и пачку папирос в виде премии за активность.

А через час по глухим донским дорогам на автомобиле ночью мчимся куда-то далеко...

Вера Панова (всего лишь на пять лет младше!), начинавшая работать в те годы в той же газете, вспоминала:

- В числе сотрудников «Трудового Дона», его элиты, был Николай Погодин, позднее драматург, автор «Кремлёвских курантов» и многих других пьес.

Он требовал от нас, юных и ничего не умевших, чтобы мы овладевали профессией всерьёз, без халтуры.

Говорил, что тот не газетчик, который не умеет писать быстро и хорошо.

О творчестве Веры Фёдоровны Пановой также рассказано в сборнике «Листая старую тетрадь».

А ещё мечтал Коля Стукалов об актёрстве – был влюблён в театр и активно участвовал в художественной самодеятельности.

На открытии клуба «Трудового Дона» исполнял главную роль в комедии Мольера «Проделки Скапена».

А это выдержка из рецензии на спектакль по пьесе Гумилевского:

- 1 мая 1923 года на открытии клуба печатников шла постановка «Владыка мира», пользовавшаяся у зрителя большим успехом.

Главную роль умело и с чувством исполнил фельетонист «Трудового Дона» Николай Погодин, проведший её, что называется, с огоньком.

А он роли не только с огоньком проводил – он их и сочинял! Первые его сценические работы – тексты для ростовского театра миниатюр «Бравада»:

- В подвальчике на Большом проспекте, где помещался этот театрик, погодинские опусы объявлялись примерно так:

«В нашей сегодняшней программе два больших По: Эдгар По и Ник. По, с той лишь разницей, что первый из них американец, а второй – нахичеванец.

Итак, посмотрите скетч Ник. По «Огурчики солёные».

И выступал 25-летний нахичеванец на страницах газет с рецензиями.

Вот как восторженно отозвался о спектакле «Следопыты» комсомольского театра:

- О «Следопытах» мы можем говорить как о серьёзном творчестве комсомольского театра. Ведь это же невиданный успех!

Совсем не спецы, совсем без стажа, комсомольцы вдруг творят новое, дают интересную, местами захватывающую постановку, где в едкой, талантливой сатире, в чётком и красивом рисунке изображена революционная борьба...

Пусть у комсомольцев есть слабые места. Но можем ли мы отнестись строго к ним, если они сами сделали всё: просто взяли рассказ и дали зрелище.

На публикации Николая обратили внимание в «Правде», перепечатали некоторые статьи, а затем и пригласили на работу.

Девять лет был он разъездным корреспондентом главной газеты страны.

Но о малой родине никогда не забывал. В письме Максиму признавался:

- Хочется мне в «Юг» писать. Понимаешь, тоскую по Ростову. И знаю, неплохо бы писал, потому что именно в Ростов хочется писать...

Раз-два в месяц подвалом что-нибудь.

Гонорар меня не интересует, потому что гонорара в Москве – пиши-обпишись...

А своему литературному секретарю говорил в последние дни жизни:

- Я очень люблю Ростов. Это моя родина. Там прошла моя молодость. В ростовских газетах я начинал...

И донцы не забыли своего земляка.

Его имя носят Шахтинский драмтеатр и одна из улиц Донской столицы.

Николай Фёдорович не состоял в Ростовской писательской организации, но с удовольствием принимал участие в литературных вечерах или диспутах.

И никогда не отказывал в помощи начинающим авторам.

И в память Областное отделение Союза журналистов многие годы отмечало лучшие работы премией Николая Погодина.

***

В 1926 году увидели свет сборники «Кумачовое утро» и «Красные ростки». «Кумачовое утро» решил автор послать Горькому – в Сорренто!

И Алексей Максимович ответил, очень обстоятельно.

И на огрехи указал – на язык очень бедный, и обнадежил:

- Вы, видимо, человек способный к писательству, с хорошим зорким глазом и с хорошим сердцем...

Надобно, товарищ, учиться, учиться упрямо, всю жизнь учиться – видеть, понимать, изображать....

Вот вам мой дружеский совет.

Сколько лет вам? Что читаете? Читайте побольше!..

Николай и читал, и понимал, и изображал.

Поначалу язык его очерков – слишком казённый, хотя и в них просматривались драматургическое построение, конфликтность, удачные диалоги.

Теперь же писал талантливо. И – несколько иначе, чем другие известные драматурги того времени, не заострял внимание на борьбе своих и чужих.

Использовал сценарные приёмы кинематографа, более современные и динамичные.

И первые же пьесы – «Темп», «Поэма о топоре», «Мой друг» – стали событием в театральной жизни страны.

Он открыл в драматургии и киноискусстве новую тему – производственную.

И переносил действие в заводской цех, на строительную площадку или колхозное поле.

Николая Фёдоровича называли *«журналист, не спешивший порвать с этой профессией»*.

В *«сценических очерках»* (как окрестили пьесы рецензенты) сохранялась энергичная стремительность.

Его драматургия – как композиция тематической газетной полосы: короткие независимые заметки, связанные общей идеей.

Наверное, поэтому, «Темп» (1929 год, впечатления от поездки на Сталинградский тракторный завод) в классическом МХАТе ко двору не пришёлся.

Через год за спектакль взялся режиссёр Вахтанговского театра Алексей Дмитриевич Попов.

Пьесу признали новаторской и следом поставили в ленинградском Красном театре и почти на всех сценах больших городов страны.

Следующие части Попов инсценировал в Театре Революции.

В «Моём друге» впервые показан советский руководитель – критика отмечала яркий сценический образ, созданный Михаилом Фёдоровичем Астанговым.

Трилогия имела огромный успех! Ведь герои Погодина – самые обычные люди.

Рабочие и колхозники, труженики первой пятилетки. К тому же – не только удачный сюжет, но и тонкий юмор!

Летом 30-го Немирович-Данченко писал Станиславскому про новую *«пьесу молодого автора из быта молодёжи»*.

Пьеса «Дерзость» – Художественным театром принятая – снова на этой сцене не состоялась.

Тема – характерный для конца 20-х социальный эксперимент. Тринадцать девушек и парней решили пожить коммуной.

Но на подготовку ушло два года, к этому моменту коммуны как житейский опыт были осуждены партией, и инсценировку свернули.

В 1934 году – Реалистический театр. Николай Павлович Охлопков взялся за «Аристократов».

Пьеса «про перековку» уголовников на Беломорканале и про победы и неудачи в строительстве нового государства.

Как рассказывали, спектаклем даже заинтересовались зарубежные гости Третьего Московского театрального фестиваля.

Но через два года официальная идеология от исправления заблуждавшихся граждан резко перешла к искоренению врагов народа.

Про «Аристократов» больше не вспоминали.

А отдавший Колыме шестнадцать лет Варлам Шаламов называл пьесу просто вредительской!

Потому что полностью ложная государственная политика «перековки» и перевоспитания была популяризована в том числе и «Аристократами», и потому:

- Один Костя-капитан перевоспитался, а десять тысяч блатных вышли из тюрем раньше времени и совершили двадцать тысяч убийств и сорок тысяч ограблений.

В 1937 году Реалистический театр закрылся. Но работал Вахтанговский.

И Рубен Николаевич Симонов открыл новый сезон «Человеком с ружьём» – первой частью знаменитой погодинской трилогии о Ленине.

В роли вождя, принимающего близко к сердцу все беды простого человека, – Борис Васильевич Щукин.

Погодин с Щукиным абсолютно искренне выполняли чёткий социальный заказ: создали своего рода эталон решения ленинской темы – без противоречий и сложностей, – надолго закрепив его в искусстве.

Сталинская премия драматургу и актёру. Актёру – посмертно.

Сразу же к съёмкам «Человека...» приступил Сергей Иосифович Юткевич. На роль Ленина приглашён Максим Максимович Штраух.

Фильм принёс широкую известность Марку Наумовичу Бернесу, а песня «Тучи над городом встали...» в его исполнении стала классикой.

«Человек с ружьём» успешно проходил по экранам и сценам Страны Советов, а Николай Фёдорович занимается продолжением.

И через два года оно готово. «Кремлёвские куранты».

Разбитые в ходе революционных боёв, а затем ожившие часы на Спасской башне – символ неизбежной победы ленинского дела.

Первым, в 40-м, пьесу поставил Ленинградский Большой драматический театр, режиссёр и исполнитель главной роли – Ефим Григорьевич Альтус.

22 января 1942 года в эвакуации в Саратове – вторая встреча драматурга-новатора и классического МХАТа.

Постановщик – Владимир Немирович-Данченко, в роли Ленина – Алексей Николаевич Грибов.

Сталинская премия актёру.

Но всё течёт, всё меняется – эту часть драматургу придётся переделывать аж четыре раза.

В стране – осуждение культа личности. Последняя, четвёртая редакция пьесы – 1956 год, без Сталина.

И фильм Юткевича тоже основательно порезали. А до того – не выпустили и его ленту по «Курантам», «Свет над Россией».

Та почему-то не понравилась самому Иосифу Виссарионовичу.

Финальная часть трилогии – «Третья патетическая», 1958 год.

В пьесе, по словам Погодина, изображена *«труднейшая пора в истории советского государства: 1923-24 годы, нэп, период сложного и напряжённого положения в партии»*.

Острая политическая обстановка в стране усугублялась тяжёлой неизлечимой болезнью Ильича.

Всё это определяло трагедийное звучание произведения, трагический пафос драмы.

Отсюда родилось и название – «патетическая».

Снова Художественный театр, режиссёр Михаил Николаевич Кедров, в роли Ленина – Борис Александрович Смирнов.

Автор и актёр удостоены Ленинской премии.

***

Далее Николай Фёдорович снова заинтересовался характером советской молодёжи: пьесы «Маленькая студентка», «Голубая рапсодия», роман «Янтарное ожерелье».

Своеобразным вкладом в «оттепельную» литературу стала пьеса «Сонет Петрарки».

Автор требует признания человека независимым от его общественной или профессиональной функции.

Показана и гнусность доносительства.

Главный герой, начальник строительства плотины Суходолов, произносит знаменательные слова:

- Классовую ненависть я считаю чувством святым и достойным.

Но теперь у нас враждебных классов действительно нет. Спрашивается, кого же ненавидеть?

Есть негодяи, отребье, воры... они достойны разве что презрения, а иногда и сожаления.

Я ведь говорю сейчас о большой ненависти. Кого я должен ненавидеть в своей стране?

Может быть, пора учиться любить...

Следующую свою Сталинскую премию (теперь она называлась Государственной) Николай Фёдорович получил за сценарий к фильму «Кубанские казаки».

Хоть и называют ныне ленту эту «пропагандистским лубком на фоне перегибов коллективизации», без «Казаков» – советский кинематограф уже не кинематограф.

Ведь какие артисты! А мелодии! А фразы!

Не зря же именно этот сюжет выбрали на российском ЦТ для замечательных новогодних «Песен о главном»!

Причём, для самой первой части!

Стихи и музыку сочинял, конечно, не Погодин.

Но – не было бы сценария, не было бы и «Ой, цветёт калина...» и «Каким ты был...»

***

Последним совместным опытом Погодина и МХАТа стала трагедия «Альберт Эйнштейн» – историческая ответственность гения за его изобретения.

Автор остановил репетиции уже принятой театром версии: он побывал в творческой командировке в Штатах.

И признал, что оценивал ситуацию предвзято. И забрал материал на доработку.

Но 19 сентября 1962 года – скоропостижная смерть.

Две экранизации «Кремлёвских курантов» вышли уже после.

В 1967 году режиссёры Мария Осиповна Кнебель и Иосиф Моисеевич Раевский решили снять телеспектакль.

А через три года Виктор Михайлович Георгиев сделал полнометражный фильм.

В спектакле, и в фильме, а так же и в «Свете над Россией» снимался актёр Борис Николаевич Ливанов.

Сценарий к «Курантам»-70 – как память об отце – написал сын Николая Фёдоровича Олег Стукалов.

Олег Николаевич тоже стал драматургом.

По его сценариям снято несколько фильмов, к примеру, сериалы «Хождение по мукам» и «Никколо Паганини».

Дочь Татьяна тоже как бы осталась причастной к миру литературы – вышла замуж за внука Корнея Чуковского.

А пьесу о строительстве Сталинградского тракторного в 1975 году перенёс на экран Георгий Эмильевич Юнгвальд-Хилькевич, фильм «Весна двадцать девятого».

Сценарий писал Марк Анатольевич Захаров.

***

Николай Фёдорович Погодин прожил очень насыщенную, жизнь.

Его произведения – не просто произведения, а целая история тяжёлых послереволюционных времён.

***

*

ПРИЧУДЫ МЫСЛЕЙ ВЕРОЛОМНЫХ

*Хочу у зеркала, где муть
И сон туманящий,
Я выпытать – куда Вам путь
И где пристанище.*

*Я вижу: мачта корабля,
И Вы – на палубе...
Вы – в дыме поезда... Поля
В вечерней жалобе –*

*Вечерние поля в росе,
Над ними – вороны... –
Благословляю Вас на все
Четыре стороны!*

- поёт в «Иронии судьбы» Надя Шевелёва.

Оформлением своих замечательных картин режиссёр Рязанов занимался сам.

И, видимо, очень любил Эльдар Александрович поэзию Марины Цветаевой.

Другие её строки – «Под лаской плюшевого пледа» – прозвучат и в «Жестоком романсе».

Волшебные строки!

Лирические посвящения великой Цветаевой – своей запретной любви. Софье Парнок.

Знал ли об этом Рязанов? Знали ли худсоветы?

Ведь в 70-е прошлого века о существовании этой женщины, вообще, известно было только специалистам.

***

Если бы Софья Яковлевна не стала поэтессой, то, скорее всего, ушла бы в музыку.

Пианисткой она была блестящей.

В родительском доме всегда раскрыт рояль, ноты на крышке – очень сложные!

Но Соня легко исполняла и Моцарта, и Скрябина, и Листа.

Есть люди, у которых «музыка с рук стекает». Живёт в них. Вот Соня как раз к таким и – относилась.

Марина напишет так:

*Рука, к которой шёл бы хлыст,
И – в серебре – опал.*

*Рука, достойная смычка,
Ушедшая в шелка,
Неповторимая рука,
Прекрасная рука.*

***

День рождения поэтессы серебряного века – 30 июля 1885 года.

Отец Яков Соломонович Парнох – провизор. Почётный гражданин Таганрога и член городской думы.

Мать Александра Абрамовна – из числа первого поколения женщин-врачей России, очень уважаемый доктор.

У семьи была собственная аптека.

Жили Парнохи в достатке, и неудивительно, что все дети получили прекрасное образование – занимались музыкой, изучали немецкий и французский.

И, хотя отец был человеком довольно властным, росла Сонечка очень счастливой. До шести лет.

А потом появились близнецы Валентик и Лизочка. Александра Абрамовна дала им жизнь, а сама ушла.

Яков Соломонович вскоре снова женился – на гувернантке близнецов.

Отношения с мачехой, да и с отцом, у старшей дочери не складывались. А потом родилась ещё одна девочка Алиса.

И Соня замкнулась в своём собственном мире. И начала писать стихи.

Крепким здоровьем не отличалась, уже на гимназическом снимке видны глаза навывкате – базедова болезнь.

Но гимназию она окончит с золотой медалью.

Кстати, золотыми медалистами будут и Валентин, и Елизавета. И оба станут поэтами и переводчиками.

А Валентин – ещё и прославится как зачинатель российского джаза.

О жизни Валентина Яковлевича рассказано в другом сборнике Библиотеки – «20-е числа июля и августа».

На их доме, № 62 по улице Александровская, установлена ныне доска памяти – Софье Парнок, Валентину Парнаху и Елизавете Тараховской.

Хотя с отцом старшая дочь почти не общалась, он оплатил швейцарское турне.

Год обучалась в Женевской консерватории.

Вернувшись, в Петербурге предприняла попытку продолжить музыкальное образование.

Но поняла вскоре, что не хочет, оставила консерваторию.

Не пошла на пользу и учёба на Бестужевских курсах – собиралась Соня стать юристом и тоже передумала.

И полностью переключилась на литературу. И переименовала фамилию.

Хотелось что-то как Парнас... Парнах! Но так уже подписывался юный Валентин.

Ну, пусть будет Парнок.

Под этим псевдонимом и появились первые переводы с французского, пьесы, шарады, сценки.

И первый стихотворный цикл – Надежде Павловне Поляковой, её женевскому увлечению.

***

Софья Яковлевна очень рано осознала эту свою странность.

- Я никогда не была влюблена в мужчину, - признается она учителю и другу Михаилу Гнесину.

*Журавли потянули к югу.
В дальний путь я уйду.
Где я встречу её, подружку,
Роковую госпожу?*

Одно из проявлений базедки – неспособность к деторождению.

Она не могла иметь детей, но была любящей, очень нежной. Держала ручную обезьянку, собачек. Обожа-ла цветы.

В голодные 20-е, в маленьком садике, – и простые ноготки, и чайные розы.

И лебеда росла, варили какую-то похлёбку.

В переписке Софии Яковлевны можно найти горькие строки, результаты мучительных раздумий о непонятной своей сущности:

- Когда я оглядываюсь на свою жизнь, я испытываю неловкость, как при чтении бульварного романа.

Всё, что мне бесконечно отвратительно в художественном произведении, чего никогда не может быть в моих стихах, очевидно, есть во мне и ищет воплощения.

И вот я смотрю на мою жизнь с брезгливой гримасой, как человек с хорошим вкусом смотрит на чужую безвкусицу.

Легко ли перенести осознание своей непохожести на окружающих, если к тому же и отказано в воспроизведении себе подобных?

Попробуй стать как все...

*Жизнь моя! Ломоть мой пресный,
Бесчудесный подвиг мой!
Вот я – с телом бестелесным,
С Музою глухонемой...*

*Стоило ли столько зёрен
Огненных перемолоть,
Чтобы так убого-чёрен
Стал насущный мой ломоть?*

*Господи! Какое счастье
Душу загубить свою,
Променять вино причастья
На Кастальскую струю!*

И ещё:

*Я не девять месяцев, –
Сорок лет носила,
Сорок лет вынашивала,
Сорок лет выпрашивала,
Вымолила, выпросила,
Выносила
Душу.*

Как пишет профессор-славист Бостонского университета Дайана Бургин в книге «София Парнок. Жизнь и творчество русской Сафо», *«рождение души и было той «кастальской струёй», которую она стремилась получить взамен на «вино причастья».*

***

А попытки стать как все – были.

В 1907 году – еврейская свадьба.

Сочетались браком выпускник Гейдельбергского университета поэт и драматург Владимир Волькенштейн и начинающая поэтесса и переводчица Софья Парнок.

Жених очень гордился, что его отец, известный адвокат Михаил Филиппович Волькенштейн, – одноклассник Чехова.

Ничего не вышло. Официальной причиной скорого развода назвали бесплодие жены.

Врагами бывшие супруги не стали, но с тех пор разведённая жена обращала свои чувства только на женщин.

В 1912 году Софья уезжает в Москву, получает известие о смерти Якова Соломоновича.

Раньше она с отцом открыто не ссорилась, но – теперь ничего не сдерживает!

Старшая дочь Парнохов переходит в православие. А мнение младших волнует мало:

*Не придут, и не всё ли равно мне, –
вспомнят в радости или во зле?
Под землёй я не буду бездомней,
чем была я на этой земле.*

И начинает Софья Яковлевна работать в журналах «Северные записки» и «Русское богатство» – стихи, статьи, переводы.

Становится постоянным сотрудником газеты «Русская молва», ведёт разделы искусства и литературы.

Берёт псевдоним «Андрей Полянин».

И пишет стихи. Много стихов!

*Сегодня с неба день поспешней
Свой охладелый луч унёс.
Гостеприимные скворешни
Пустеют в проседи берёз.*

*В кустах акаций хруст, – сказать бы:
Сухие щёлкают стручки.
Но слишком странны тишь усадьбы
И сердца громкие толчки...*

*Да, эта осень – осень дважды!
И то же – что в листве, шурша,
Листок нашептывает каждый –
Твердит усталая душа.*

Современники ценили её умение критика: материалы – объективны и доброжелательны, без сарказма.

Но сама себя критик оценивала скромнее:

- Если у меня есть одарённость, то она именно такого рода, что без образования я ничего с ней не сделаю.

А между тем случилось так, что я начала серьёзно думать о творчестве, почти ничего не читая.

То, что я должна была бы прочесть, я не могу уже теперь, мне скучно...

Если есть мысль, она ничем, кроме себя самой, не вскормлена.

И вот, в один прекрасный день, за душой ни гроша и будешь писать сказки, и больше ничего.

Сказок не писала.

Гроши за душой пока ещё были: что-то же от отцовского состояния ей перепало – старшая дочка, всё-таки.

И прекрасный день наступил.

16 октября 1913 года.

***

Марина Цветаева была замужем за Сергеем Эфроном и имела годовалую дочку Ариадну.

И написала целый цикл под недвусмысленным названием «Подруге» – откровенно признавалась Софье в любви.

Маленькая Аля, кстати, была поначалу с ними:

- У мамы есть знакомая, Соня Парнок, она тоже пишет стихи, и мы с мамой иногда ходим к ней в гости.

Мама читает стихи Соне, Соня читает стихи маме, а я сижу на стуле и жду, когда мне покажут обезьянку.

Потому что у Сони есть настоящая живая обезьянка, которая сидит в другой комнате на цепочке.

Вряд ли Аля могла тогда что-то запомнить, наверное, мама сама ей и рассказывала.

«Подруга» отвечала Алиной маме тем же:

*Причуды мыслей вероломных
Не смог дух алчный превозмочь, –
И вот, из тысячи наёмных,
Тобой дарована мне ночь.*

*Тебя учило безразличье
Лихому мастерству любви.
Но вдруг, привычные к добыче,
Объятья дрогнули твои.*

*Безумен взгляд, тоской задетый,
Угрюм ревниво сжатый рот, –
Меня терзая, мстишь судьбе ты
За опоздалый мой приход.*

У них даже встречаются в стихах совпадения образов:

Цветаева:

- *Словно снег пуховочкой прошёлся вдоль щёк.*

Парнок:

- *Словно смерть провела снеговой пуховкою.*

Цветаева:

- И всё, что голубем Вам воркую напрасно.

Парнок:

- Как хорошо, что ты воркуешь, как голубь, под моей рукой.

Цветаева:

- Мне нравится, что Вы больны не мной.

Парнок:

- О, как сладко я болею прозеленью глаз твоих.

Сравнивать дарование поэтесс – нет смысла.

Марина Цветаева – это Марина Цветаева. Их таких две – она и Ахматова, на всё 20-е столетие.

И не поэтессы Ахматова с Цветаевой. Поэты. С большой буквы.

И, конечно, цветаевское – гениально.

Марина Цветаева – Софье Парнок:

*Как весело сиял снежинками
Ваш – серый, мой – соболий мех,
Как по рождественскому рынку мы
Искали ленты ярче всех.*

*Как розовыми и несладкими
Я вафлями объелась – шесть!
Как всеми рыжими лошадками
Я умилялась в Вашу честь.*

*Как рыжие поддѣвки – парусом,
Божась, сбывали нам тряпьё,
Как на чудных московских барышень
Дивилось глупое бабьё.*

*Как в час, когда народ расходится,
Мы нехотя вошли в собор,
Как на старинной Богородице
Вы приостановили взор.*

*Как этот лик с очами хмурыми
Был благостен и измождён
В киоте с круглыми амурами
Елисаветинских времён.*

*Как руку Вы мою оставили,
Сказав: «О, я её хочу!»
С какою бережностью вставили
В подсвечник – жёлтую свечу...*

*– О, светская, с кольцом опаловым
Рука! – О, вся моя напасть! –
Как я икону обещала Вам
Сегодня ночью же украсть!*

*Как в монастырскую гостиницу
– Гул колокольный и закат –
Блаженные, как имянинницы,
Мы грянули, как полк солдат.*

*Как я Вам – хорошесть до старости –
Клялась – и просыпала соль,
Как трижды мне – Вы были в ярости! –
Червонный выходил король.*

*Как голову мою сжимали Вы,
Лаская каждый завиток,
Как Вашей брошечки эмалевой
Мне губы холодил цветок.*

*Как я по Вашим узким пальчикам
Водила сонною щекой,
Как Вы меня дразнили мальчиком,
Как я Вам нравилась такой...*

Удивительные строки!

Но то, что парноковское – талантливо, имеет свой стиль – не отнимешь.

Софья Парнок – Марине Цветаевой:

*Где море? Где небо? Вверху ли, внизу?
По небу ль, по морю ль тебя я везу,
Моя дорогая?*

*Отлив. Мы плывём, но не слышно весла,
Как будто от берега нас отнесла
Лазурь, отбегая.*

*Был час. – Или не был? –
В часовенке гроб,*

*Спокойствием
Облагороженный лоб, –*

*Как странно далёк он!
Засыпало память осенней листвой.
О радости ветер лепечет и твой
Развеянный локон.*

***

*Ах, от смерти моей уведи меня,
Ты, чьи руки загорелы и свежи,
Ты, что мимо прошла, раззадоря!*

*Не в твоём ли отчаянном имени
Ветер всех буревых побережий,
О, Марина, соименница моря!*

Весну и лето 15-го живут они вместе.
Когда Цветаевой говорили, что так никто не поступает, все соблюдают приличия, она отвечала:
- Я – не все.

Оправятся путешествовать. Побывают на Украине у родни Софьи, потом заедут в Коктебель в гости к Волошиным.

Ариадну мама оставит на попечение няни.

Эфрон переезжает к сестре Елизавете – Лиле.
И какое-то время терпеливо ожидает окончания пагубной страсти.

Не дождавшись, отправился воевать.

Вовсе не из политических убеждений оказался Сергей Яковлевич в гвардии Корнилова. Просто не видел другого выхода из семейного тупика.

Эфроны об этом знали. Но не знали, что делать.

Вот одно из писем матери Максимилиана Волошина Елены Оттобальдовны:

- Относительно Марины страшновато: там дело пошло совсем всерьёз.

Она куда-то с Соней уезжала на несколько дней, держала это в большом секрете.

Соня эта – уже поссорилась со своей подругой, с которой вместе жила, и наняла себе отдельную квартиру на Арбате.

Это всё меня и Лилю очень смущает и тревожит, но мы не в силах разрушить эти чары.

А Марина – и Соню терять не хочет, и ухаживания Максимилиана принимает, и тревожится о муже.

И пишет Лиле:

- Серёжу я люблю на всю жизнь, он мне родной, никогда и никуда я от него не уйду.

Пишу ему – то каждый, то – через день, он знает всю мою жизнь, только о самом грустном я стараюсь писать реже.

На сердце – вечная тяжесть. С нею засыпаю, с нею просыпаюсь.

...Соня меня очень любит, - далее в письме, - и я её люблю – это вечно, и я от неё не смогу уйти.

И через несколько строк:

- Не могу делать больно и не могу не делать.

Но вечного ничего нет.

Корней Чуковский в дневнике упоминает о том, что мудрая и властная «Пра» – Елена Волошина – всё же убедила «Соню эту» не разрушать молодую семью.

Связь во грехе чаще всего обречена. Так произошло и у Цветаевой с Парнок.

И неверная жена принесла мужу покаяние:

*Самозванцами, псами хищными
я дотла расхищена.*

*У палат твоих, царь истинный,
стою нищая!*

И внешне Марина Ивановна выказывала потом равнодушие к случившемуся.

Подчёркнуто хладнокровно отнеслась к известию о смерти Софьи Яковлевны.

Но, как известно, от себя не убежишь.

Парнок одна не оставалась. Но фото – «соименницы моря» – всегда стояло на прикроватном столике.

А незадолго до смерти Софья написала:

*Вот уж не бунтуя, не противясь,
Слышу я, как сердце бьёт отбой
Я слабею, и слабеет привязь,
Крепко нас вязавшая тобой...*

В начале стихотворения – едва различимо – две буквы: «МЦ».

А потом случилась революция. Какое-то время Софья Яковлевна жила в Судаче.

Начался голод. Перебивалась огородничеством, переводами и уроками. Работала в библиотеке.

Она ведь – из семьи обеспеченной, привыкла о финансах не беспокоиться, а теперь – точно *«за душой ни гроша»*, копейки получала.

В стране – аресты, в феврале 21-го попала на нары и Парнок.

Провела в тюрьме несколько недель, но весной – с туберкулёзом – выпустили.

Она пишет письмо Горькому.

Знакомится с композитором Спендиаровым и пишет либретто для его оперы «Алмаст».

24 июня 1930 года в Большом театре с успехом состоялась премьера.

Едет в поезде, меняется местом с другим пассажиром – случается катастрофа и этот пассажир погибает...

Вернулась в Москву, снова занялась переводами.

Принимала участие в создании объединения «Лирический круг» и издательства «Узел».

В 1922 году вышли её сборники «Розы Пиерии» и «Лоза». Встречены были лояльно, но как-то не до стихов становилось в России того времени.

Перешагнувшая сороковой рубеж поэтесса жила прошлым. Таскала сама воду в тяжёлых ведрах, чтобы полить свой маленький садик.

И находила новых подруг. Заметный след оставила актриса Людмила Владимировна Эрарская.

А потом – появились учёные дамы.

К середине 20-х относится знакомство с Ольгой Цубербиллер.

Ольга Николаевна – профессор математики МГУ, заслуженный деятель науки и техники РСФСР.

Полная противоположность по характерам, но были вместе почти десять лет.

Сохранились воспоминания Льва Горнунга о внешнем облике этой пары:

- Они были одеты очень просто и, в общем, одинаково, всегда носили строгий, в основном мужеподобный наряд, состоящий из пиджака и юбки ниже колена с каймой.

Обе носили рубашки и галстуки.

Их ботинки были неизменно одного стиля «oxford», коричневые на низком каблукке.

Цубербиллер умерла.

Следующая пассия – Нина Евгеньевна Веденеева, тоже из МГУ. Доктор физико-математических наук, Сталинская лауреатка.

Представляя картину своей смерти, Парнок просит Веденееву её не бросать:

*И будет тускло гореть ночник,
И разведёт руками мой часовщик,
И будет сердце биться, хрипя, стена,
И на груди подпрыгивать простыня.*

*Где будешь ты в ту полночь? Приди, приди,
Ты, отдыхавшая на моей груди.*

Желание Софьи Яковлевны сбылось, её «Седая Муза» и «Седая роза» была с ней до последнего.

Стихи к Веденеевой – редкий для 30-х уровень откровения.

Возможно, потому, что поэтесса не рассчитывала на публикацию: тема нетрадиционной ориентации отнюдь не приветствовалась.

Земной путь русской Сафо окончился 26 августа 1933 года.

На похоронах присутствовали Борис Пастернак и Густав Шпет.

Владислав Ходасевич в некрологе написал:

- Ею было издано много книг, неизвестных широкой публике – тем хуже для публики.

***

Наверное, была эта женщина необыкновенной.
Очень необыкновенной.

Иначе – ну, не написала бы великая Цветаева (которая «Я – не все») таких строк:

Под лаской плюшевого пледа
Вчерашний вызываю сон.
Что это было? – Чья победа? –
Кто побеждён?

Всё передумываю снова,
Всем перемучиваюсь вновь.
В том, для чего не знаю слова,
Была ль любовь?

Кто был охотник? – Кто – добыча?
Всё дьявольски-наоборот!
Что понял, длительно мурлыча,
Сибирский кот?

В том поединке своеволий
Кто, в чьей руке был только мяч?
Чьё сердце – Ваше ли, моё ли
Летело вскачь?

И всё-таки – что ж это было?
Чего так хочется и жаль?
Так и не знаю: победила ль?
Побеждена ль?

***

*

СЛОВАРЬ:

Бестужевские курсы – высшие женские курсы в Санкт-Петербурге.

Босяк – опустившийся человек из низших слоёв общества

Волость – территориальная единица в России XIX века.

Герцык-Жуковская Аделаида Казимировна – российская писательница и переводчица.

Гнесин Михаил Фабианович – советский композитор и педагог, Сталинский лауреат.

Горнунг Лев Владимирович – советский писатель, переводчик и фотограф

Гумилевский Лев Иванович – советский писатель и редактор.

Дервиш – нищий странствующий монах в странах Востока.

Донпродком – донской продовольственный комитет.

Кастальская струя (ключ) – источник на горе Парнас, в Древней Греции почитался как священный, дарующий вдохновение поэтам и музыкантам.

Катафалк – похоронный транспорт.

Киот – шкафчик для хранения икон.

Конъюнктура (здесь) – приспособление к существующему режиму.

Косоворотка – рубаша с косым воротом, с застёжкой не по центру.

Кухмистерская – кухня.

Лист Ференц – венгеро-немецкий композитор, один из величайших пианистов XIX века.

Литфонд – литературный фонд.

Луначарский Анатолий Васильевич – советский писатель и искусствовед, первый народный комиссар (нарком) просвещения.

Мартен – печь для выплавки стали.

«Мессер», «мессершмитт» – немецкий самолёт-истребитель.

Мольер Жан-Батист – знаменитый французский драматург XVII века.

Моцарт Вольфганг Амадей – знаменитый австрийский композитор и музыкант-виртуоз XVIII века.

МХАТ – Московский художественный академический театр.

Наробраз – народное образование.

Немирович-Данченко Владимир Иванович – знаменитый советский театральный режиссёр, писатель, искусствовед, основатель МХАТа.

«Нива» – популярный еженедельник середины XIX – начала XX века с бесплатными приложениями (собрания русской и зарубежной классики).

Нэп – новая экономическая политика, проводившаяся в СССР в 1920 годы.

Оттепель – период в истории СССР после смерти И. В. Сталина, характеризующийся ослаблением власти.

Парнас – горный массив Греции, считается священной горой Аполлона и муз.

Пафос (патетика) – воодушевление, подъём.

Пиерия – область в Греции.

По Эдгар Аллан – знаменитый американский писатель XIX века, создатель детективного жанра.

Подвал (в газете) – статья в нижней части листа.

Подёнщина – временная (стирка, уборка) низкооплачиваемая дневная работа.

Провизор – специалист, занимающийся выпуском лекарственных препаратов.

Рабкор – рабочий корреспондент.

Реверанс – женский приветственный поклон.

РККА – Рабоче-крестьянская красная армия.

Сапфическая строфа – стихотворный размер в античном стихосложении, считается, что так писала Сафо.

Сафо (Сапфо) – древнегреческая поэтесса, приверженица нетрадиционной ориентации.

Серебряный век – образное название периода в русской поэзии, конец XIX - начало XX века.

Символизм – литературное течение начала XX века.

Скетч – одноактная комедийная пьеса с двумя исполнителями.

Скрябин Александр Николаевич – знаменитый российский композитор, пианист и педагог начала XX века, основатель понятия «светомузыка».

Спендиаров Александр Афанасьевич – советский композитор, дирижёр и педагог.

Сполох – вспышка на небе.

Станиславский Константин Сергеевич – всемирно известный советский театральный режиссёр, актёр и педагог, теоретик и реформатор театра; создатель знаменитой актёрской системы; основатель МХАТа.

Ходасевич Владислав Фелицианович – российский поэт, критик и переводчик, эмигрант.

Халтура – случайная, разовая работа.

ЦК – Центральный комитет.

Шаламов Варлам Тихонович – советский писатель, диссидент.

Шемшелевич Леонид Вениаминович – ростовский советский поэт и критик.

Шпет Густав Густавович – советский философ, искусствовед, переводчик и педагог.

Шрапнель – дробь для снарядов.

Элита – лица, занимающие высокое положение.

Эпатаж – умышленно шокирующее поведение.

***

*

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ:

Агуренко Б. Николай Погодин, журналист, драматург и критик. // Вечерний Ростов. – 2002. – 26 апреля. – С. 2.

Анастасьев А. Трилогия Погодина о Ленине на сцене. – М.: Искусство, 1964.

Бойченко Л. Он учил добру и справедливости. // Таганрогская правда. – 2010. – 11 июня. – С. 7.

Бургин Д. Софья Парнок. Жизнь и творчество русской Сафо. – СПб.: ИНАПРЕСС, 1999.

Василенко И. Артёмка: Повести. – Ростов-н/Д: Ростиздат, 1965.

Василенко И. Жизнь и приключения Заморыша. – М.: Детская литература, 1976.

Василенко И. Избранное. – М.: Советский писатель, 1956.

Гаврюшкин О. Мари Вальяно и другие. – Таганрог: МИКМ, 2001.

Гегузин И. Выдающийся драматург. // Вечерний Ростов. – 1974. – 20 февр. – С. 3.

Гегузин И. Щедрая душа. // Комсомолец. – 1985. – 24 января. – С. 4.

Гордеева Н. Литературный Ростов 20-х годов. – Ростов-н/Д: РГУ, 1967.

Зайцев И. Николай Фёдорович Погодин. – М.-Л.: Высшая школа, 1958.

Краткая литературная энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1962-1978.

Максимов П. Памятные встречи: из дневника писателя. – Ростов-н/Д: Кн. изд-во, 1978.

Парнок С. Собрание сочинений. – СПб.: ИНАПРЕСС, 1998.

Писатели Дона: Биобиблиографический указатель. – Ростов н/Д: Кн. изд-во, 1986.

Погодин Н. Сочинения в 4 томах – М.: художественная литература, 1973.

Попов А. Воспоминания и размышления о театре. – М.: Искусство, 1963.

Потапов Н. Живее всех живых. Образ В. И. Ленина в советской драматургии. – М.: Советский рабочий, 1969.

Присекин А. Память о первом учителе. // Комсомолец. – 1975. – 21 января. – С. 4.

Романова Е. Опыт творческой биографии Софьи Парнок. – СПб.: Нестор-История, 2005.

Русские детские писатели XX века: Биобиблиографический словарь. – М.: Флинта; Наука, 1997.

Русские писатели XX века: Биографический словарь. – М.: БРЭ, 2000.

Строфы века. Антология русской поэзии. – Мн.; М.: Полифак, 1995.

Суханова Н. О старшем друге. // Дон. – 1984. – № 12. – С. 152.

Таганрог. Энциклопедия. – Таганрог: Антон, 2008.

Тихомирова В. Он умел собирать в роли все заряды человеческой души. // Молот. – 2000. – 14 ноября. – С. 3.

Тютюкин Ю. О ком написана «Звёздочка». // Таганрогская правда. – 1984. – 17 марта. – С. 4.

Уроки доброты. Жизнь и творчество И. Д. Василенко. – Ростов-н/Д, Кн. изд-во, 1986.

Хангулян С. Серебряный век русской поэзии. – М.: Новая газета, 2009.

Холодов Е. Пьесы и годы. Драматургия Н. Погодина. – М.: Высшая школа, 1967.

Чапчахов Ф. Иван Дмитриевич Василенко. – Ростов-н/Д: Кн. изд-во, 1960.

Шапочка Е. Писатель страны чудес. // Таганрогская правда. – 1985. – 19 января. – С. 3.

Шемшелевич Л. Замечательный рассказчик. // Дон. – 1973. – № 12. – С. 178.

Энциклопедия Таганрога. – Ростов н/Д: Ростиздат, 2003.

Донские страницы [Электронный ресурс]: [сайт]: Погодин Николай Фёдорович. – Режим доступа: <http://www.dspl.ru/pro-don/personnelinfo/pogodin-nikolay-fyodorovich-biografiya-rostov>. – Загл. с экрана.

Имба-Читальня [Электронный ресурс]: [сайт]: София Парнок. Трагическая леди серебряного века. – Режим доступа: <https://www.chitalnya.ru/work/1337765/>. – Загл. с экрана.

Кино-театр.ру [Электронный ресурс]: [сайт]: Николай Погодин (Стукалов). – 2006-2020. – Режим доступа:

<https://www.kino-teatr.ru/kino/screenwriter/sov/30565/bio/>. – Загл. с экрана.

Кто главный. Ростов [Электронный ресурс]: [сайт]: 125 лет назад родился детский писатель Иван Василенко. – 2019. – Режим доступа: <https://kg-rostov.ru/premiere/125-let-nazad-rodilsya-detskiy-писател-ivan-vasilenko/>. – Загл. С экрана.

Культурология.рф [Электронный ресурс]: [сайт]: «Люби Другую, Нет – Других, Нет – Всех...»: София Парнок – роковая страсть Марины Цветаевой. – Режим доступа: <https://kulturologia.ru/blogs/210817/35718/>. – Загл. с экрана.

ЛитВек [Электронный ресурс]: [сайт]: Погодин Николай Федорович. – 2017-2020. – Режим доступа: <https://litvek.com/avtor/16934-avtor-pogodin-nikolay-fedorovich>. – Загл. с экрана.

ЛитМир [Электронный ресурс]: [сайт]: Погодин Николай Фёдорович. – Режим доступа: <https://www.litmir.me/a/?id=20930>. – Загл. С экрана.

Московский художественный театр имени А. П. Чехова [Электронный ресурс]: [сайт]: Николай Фёдорович Погодин. – Режим доступа: <https://mxat.ru/history/persons/pogodinn/>. – Загл. С экрана.

Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение Новобессергеновская средняя общеобразовательная школа имени И. Д. Василенко [Электронный ресурс]: [сайт]: Биография И. Д. Василенко. – Режим доступа: http://novbessc.narod.ru/index/biografija_i_d_vasilenko/0-82. – Загл. с экрана.

Памятники Дона [Электронный ресурс]: [сайт]: Николай Фёдорович Погодин. – Режим доступа: <http://www.voopiik-don.ru/main/2009-06-01-10-23-39/38-2009-06-01-07-00-23/1286-2010-11-10-14-26-33>. - Загл. с экрана.

45-я параллель [Электронный ресурс]: [сайт]: София Парнок. – Режим доступа: https://45parallel.net/sofiya_parnok/. – Загл. с экрана.

Центральная городская публичная библиотека имени А. П. Чехова [Электронный ресурс]: [сайт]: Василенко Иван Дмитриевич. – Режим доступа: <http://taglib.ru/biografia.html>. – Загл. с экрана.

Энциклопедия Кругосвет [Электронный ресурс]: [сайт]: Погодин Николай Фёдорович. – Режим доступа: https://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/teatr_i_kino/POGODIN_NIKOLA_FEDOROVICH.html. - Загл. с экрана.

AG [Электронный ресурс]: [сайт]: Сценарист и драматург Николай Фёдорович Погодин: краткая биография, деятельность и интересные факты. – Режим доступа: <https://autogear.ru/article/291/727/stsenarist-i-dramaturg-nikolay-f-dorovich-pogodin-biografiya-deyatelnost-i-interesnyie-faktyi/>. – Загл. С экрана.

FB [Электронный ресурс]: [сайт]: Сценарист и драматург Николай Фёдорович Погодин: биография, деятельность и интересные факты. – Режим доступа: <https://fb.ru/article/291727/stsenarist-i-dramaturg-nikolay-f-dorovich-pogodin-biografiya-deyatelnost-i-interesnyie-faktyi>. - Загл. с экрана.

IsraLove [Электронный ресурс]: [сайт]: София Парнок и любовь всей ее жизни. – 2013-2020. – Режим доступа: <https://isralove.org/load/13-1-0-2012>. – Загл. с экрана.

RuLit [Электронный ресурс]: [сайт]: Василенко Иван Дмитриевич . – 2011-2018. – Режим доступа: <https://www.rulit.me/authors/vasilenko-ivan-dmitrievich>. – Загл. с экрана.

Sparnok.ru [Электронный ресурс]: [сайт]: Моя София Парнок. – Режим доступа: <https://www.sparnok.ru/>. – Загл. с экрана.

Книга «Круги жизни» рассказывает о жизни наших известных земляков – поэтессы Софьи Яковлевны Парнок и писателей Ивана Дмитриевича Василенко и Николая Фёдоровича Погодина.